

ВСТРЕЧА

Спеть всего Чайковского

Белорусский солист Илья Сильчуков пытается удачу в российском телепроекте «Большая опера».

32-летний баритон Национального Большого театра оперы и балета Илья Сильчуков не только любимец белорусской публики, но и званный гость во многих зарубежных театрах. Например, на сцене словацкой Национальной оперы он пел Валентина в «Фаусте» Гуно, на сцене Франкфуртской оперы – Шакловитого в «Хованщине» Мусоргского, в Римской опере – Фиорелло в «Севильском цирюльнике». На сценах Брно (Чехия), Белостока (Польша), Таллина и Брегенца (Австрия) исполнял партию Жермона в «Травиате» Верди.

Илья Сильчуков – лауреат трех Гранд-премий специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи, победитель десятков международных конкурсов, в том

числе IV – Vocal Genial в Германии, XII – имени Година в Словакии, I – имени Магомева в России. Недавно солист решил попытать удачу в «Большой опере» на телеканале «Россия-Культура». Теперь каждую субботу он появляется в эфире одного из самых рейтинговых российских шоу.

– Илья, как вас, одного из самых активных белорусских солистов – конкурсы, гастроли, выступления с зарубежными театрами – еще и в телепроект занесло?

– Совершенно спонтанно.

Увидел в Интернете, что идет кастинг участников 3-го сезона «Большой оперы». Сроки поджимали, можно сказать, я вскочил в последний вагон. Через несколько дней мне позвонила шеф-редактор проекта Ольга Петелена и сказа-

ла, что мое письмо убедило организаторов пригласить меня на собеседование. А художник сходу одобрил мою кандидатуру.

– Что значит для вас участие в этом проекте?

– Это совершенно новый для меня опыт. В телешоу я не участвовал. Выступать на конкурсах солистов и в телеконкурсах – две большие разницы. Я никогда не работал с камерами, с телевизионными режиссерами, со сценическим светом. Все приходится познавать впервые.

– Перед кем выступать волнительнее – перед театральными или телезрителями?

– Сложно сказать. Волнуюсь перед каждым выступлением.

– Вам часто приходится ездить на репетиции и записи шоу в Москву. Это не мешает работе в театре?

– Нет, в театре мне всегда идут навстречу. Благодарен руководству, которое поддерживает меня. Осознаю, как

ответственно представлять белорусский театр в этом международном проекте.

– Говорит ли, на ваш взгляд, появление проектов, отличных от попсовых «Фабрик звезд» и «Хочу к Меладзе», о том, что у публики растет интерес к высокой музыке?

– Думаю, что появлением «Большой оперы» мы во многом обязаны тем самым попсовым шоу. Они заставляют продюсеров российского телеканала «Культура» задумываться над тем, как популяризировать жанры оперы, оперетты и т.д. Для «Большой оперы», на мой взгляд, выбран удачный формат.

– Пет в опере было вашей детской мечтой?

– Нет, к опере я пришел благодаря родителям. Я был не очень усидчивым и музыку не слишком любил. Мама это видела, но на всякий случай отдала в подготовительную группу музыкального лицея. И какие-то способности там

проклюнулись. Я окончил два курса консерватории по специальности «хоровое дирижирование» и параллельно 3-й и 4-й курсы вокального отделения Минского музучилища имени Глинки в классе Адама Османовича Мурзича. К 3-му курсу консерватории я понял, что хочу быть певцом, и перешел на вокальное отделение Академии музыки.

– Какая из партий ближе всего вам по духу, темпераменту?

– Они все для меня особенные, будь то Онегин, Иван Коровлевич в «Кощее Бессмертном», Роберт в «Иоланте», князь Елецкий в «Пиковой даме», Жермон в «Травиате», Моралес в «Кармен» или Валентин в «Фаусте».

– А есть ли партия, которую вы хотели бы исполнить?

– Мне хотелось бы спеть всего Верди, всего Чайковского и так далее. Но тут как Бог даст и здоровье позволит.

Людмила МИНКЕВИЧ

ФЕСТИВАЛЬ

Свет добра негасим

XI «Лучезарный ангел» подтвердил правоту девиза: доброе кино возвращается.

«Сейчас выходит много безнравственных фильмов – настоящая дорога в никуда, к распаду общества и самоуничтожению. Люди верующие отвергают такое искусство, именно поэтому необходим подобный фестиваль», – сказал председатель Духовно-экспертного совета кинофестиваля, настоятель храма Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках, протоиерей Владимир Волгин.

В этом году фестиваль проходил под эгидой Года культуры и был приурочен к 700-летию Сергея Радонежского. В рамках спецпоказа Вячеслав Хотулев представил свой фильм «Свет огня» – о жизни великого русского праведника. А фильмом открытия стала картина Сергея Николенко «Охота жить», снятая по рассказам Шукшина, которому в этом году исполнилось бы 85 лет. РПЦ оказывает поддержку фестивалю, но это не значит, что акцент делается на принадлежность к православной вере. «Ценности у человечества одни и те же – добро, любовь, высокая нравственная жизнь», – подчеркивает Владимир Волгин. В этом году на конкурс было прислано 368 фильмов из 26 стран, в том числе из России, Беларуси и Украины. Беларусь представил Андрей Гребенкин с художественным фильмом «Бабу». А народный артист Беларуси, лауреат Госпремии СССР и РФ, актер, кинорежиссер Владимир Гостюхин вошел в состав жюри игрового кино. Особая тема этого года – 100-летие начала I Первой мировой войны. Помимо картин в программе был представлен проект «Лучезарного ангела» и Исторический музей – ретроспектива игрового и документального кино в честь великой даты.

Может ли нравственное кино быть зрелищным? «Думаю, в этом нас убедил фильм «Остров». Доброе кино резонирует в человеческом сердце, побуждает к сотворению добрых дел», – сказал зампредела Оргкомитета кинофестиваля, ректор Института экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений, игумен Кириан (Яценко). – И оно должно идти по федеральным каналам, проникать в учебный процесс». В этом году на фестивале было много дебютов, в которых, по словам президента Гильдии кинодедов и кинокритиков Союза кинематографистов РФ, телеведущего Андрея Шенякина, в первую очередь старались увидеть попытки режиссеров «преодолеть состояние уныния и отчаяния».

Гран-при получила картина «Испытание» Александра Котта. История о первой любви, случившаяся в 1953 году в Семипалатинске. Город станет полигоном для испытания водородной бомбы. Суровые испытания переживает и любовь героев. Лучшие фильмы фестиваля – в рамках программы «Свет Лучезарного ангела» – вскоре увидят зрители регионов.

Татьяна СЕРГЕЕВА

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Кристина ФЛУТУР:

Политика не мешает нам оставаться близкими

Кадр из фильма «3а холмами»

Окончание. Начало на стр. 1

Обо всем этом актриса рассказала «СВ» на XXI Минском международном кинофестивале «Лістапад», на котором была членом жюри конкурса «Молодость на марше».

– Кристина, изменилось ли что-то в вашей жизни после триумфа в Каннах?

– Да, многое изменилось – и в профессиональном, и в личном плане. Например, я стала активно заниматься кино, чего раньше не делала. Сразу после съемок в картине «За холмами» я сыграла Сашу в постановке «Платонова» по Чехову. Потом снималась в мини-сериале на Французском телевидении, а сейчас занята в международном кинопроекте. До постановки «Платонова», года за четыре, я играла в нашем театре Нину Заречную в «Чайке».

– Чехов – таинственный автор, не все тайны открывает даже своим соплеменникам, какие струны затронул он в вашей душе – душе иностранки?

– Собственно встречи с Чеховым происходили у меня на протяжении всей творческой жизни, начиная со студенчества, когда я сыграла Ирину в «Трех сестрах». А потом играла и Любовь Андреевну Раневскую в «Вишневом саде».

– Саша, Нина Заречная, Ирина, Раневская – согласитесь, Чехов понимал в женщинах больше своих собратьев по перу, они все такие разные и в чем-то неуловимо схожи, в чем, по-вашему?

– В спектакле все зависит от того, чего хочет режиссер. Сейчас часто случается так, что мы берем классическую пьесу и делаем постановку, максимально приближая ее к современной жизни. Например, Нина Заречная была у нас крайне амбициозной молодой особой, которая мечтала стать великой актрисой. Поэтому главным в ней была не чистота и невинность, о которых пишет Чехов, а ее желание славы. Чеховские героини действительно все очень разные, и если сравнить Нину с Сашей,

то для моей Саши, а я стараюсь для каждой героини найти свой подход, наиболее важным, это подчеркивал и режиссер, было то чувство безопасности, которое ей давала семья, дом. Думаю, это чувство было сильнее любви, которую она испытывала к мужу.

– Поняли ли вы что-то особенное о русских женщинах, переиграв столько чеховских героинь?

– Скажу сразу, я старалась видеть этих героинь не как русских женщин в традиционном их понимании, а пыталась находить что-то универсальное, интернациональное в их характерах, что было бы близко женщине любой страны. Думаю, это одна из наиболее важных черт великих писателей, и такого, как Чехов, – несомненно, когда он берет конкретную ситуацию, происходящую в конкретную эпоху в конкретной стране, но при этом так раскрывает характеры и таким образом развязывает конфликт, что это имеет общечеловеческое значение. Так, чтобы через свою

«русскость» эти женщины стали понятны мировому зрителю. Вот, например, Ирина – у нее есть мечта, но недостаточно сил, чтобы вырваться из надоевшей ей жизни. Реальность оказывается сильнее ее мечты, и она остается повязанной по рукам и ногам в этом же круте. В то время, как у Нины есть внутренняя сила, которая позволяет ей вырваться, даже если результат будет не таким, как она ожидала. У нее есть силы для того, чтобы сделать свою мечту путеводной звездой, поставить перед собой как цель и идти к ней. А объединяет всех чеховских женщин, которых я играла, то, что автор показывает, что именно дает героине крылья, и для каждой из них эти крылья – нечто другое. А еще меня необыкновенно привлекает в чеховских героинях страстность их натур, это так близко мне.

– Ну а другие авторы – они вам также были близки?

– Шекспировского «Отелло», где я была Дездемоной, мы тоже играли в современной версии, а «русскость» эти женщины стали понятны мировому зрителю. Вот, например, Ирина – у нее есть мечта, но недостаточно сил, чтобы вырваться из надоевшей ей жизни. Реальность оказывается сильнее ее мечты, и она остается повязанной по рукам и ногам в этом же круте. В то время, как у Нины есть внутренняя сила, которая позволяет ей вырваться, даже если результат будет не таким, как она ожидала. У нее есть силы для того, чтобы сделать свою мечту путеводной звездой, поставить перед собой как цель и идти к ней. А объединяет всех чеховских женщин, которых я играла, то, что автор показывает, что именно дает героине крылья, и для каждой из них эти крылья – нечто другое. А еще меня необыкновенно привлекает в чеховских героинях страстность их натур, это так близко мне.

– Ну а другие авторы – они вам также были близки?

– Шекспировского «Отелло», где я была Дездемоной, мы тоже играли в современной версии, а

Июнеско и так достаточно близок к нашему времени. В хорошей классической пьесе всегда много оттенков значения, и когда вы ставите ее на сцене, вы не можете показать все, нужно выбирать то, что для вас наиболее важно. Например, в «Турандот» наиболее важным моментом для нас были отношения между отцом и дочерью – очень близко к психоанализу. Очень многое как актриса я получила, работая над инсценировкой романа Стейнбека «Блестящий четверг».

– Вы сказали, что недавно ушли из театра, почему?

– В прошлом году я переехала в Бухарест и еще не нашла работу. Кроме того, сейчас снимаюсь в разных странах, много путешествую, и у меня нет времени, чтобы играть в театре. Родители мои не имели никакого отношения к театру и кино, так что сейчас играю и путешествую за всю свою семью.

– Ваш дебют в кино состоялся в фильме Кристиана Мунджу «За холмами», как он на вас повлиял?

– Мне нравится, как вы сказали, потому что я верю, что истории и персонажи именно «находятся» актерами. Потому что это означает, что в это время и в этом месте нужны были вы – и только вы. Все случилось через кастинг, человек, который проводил его, увидел меня на фестивале в Бухаресте и сфотографировал. Показал фотографию режиссеру, и он захотел меня увидеть. Он сказал, что в моих глазах уловил то, что искал в этой героине.

– Трудно ли было сниматься, картину даже смотреть непросто, такие драматические события происходят с вашей героиней?

– Алина – тяжелый персонаж, а съемки – это такой процесс, в котором сочетается одновременно

и напряженная работа, и некая легкость творчества. Кристиан был невероятно спокоен на съемках, мы с ним прекрасно ладили. Нам было легко общаться, и мне не нужны были никакие дополнительные объяснения. Но в то же время Алина, персонаж очень требовательный, немало мучила меня, потому что хотела получить все и сразу.

– Скажите, а эта история с изгнанием дьявола из прихожанки, окончившаяся трагически, действительно произошла в реальности в одном из румынских монастырей?

– Да, события фильма основаны на реальной истории, но все детали и диалоги, конечно, выдуманы.

– А насколько, по-вашему, характерны подобные истории для монастырей вообще?

– Экзорцизм – обряд изгнания дьявола – официально запрещен церковью, но люди все равно приходят к священникам и просят помочь, в монастырях это распространенная практика. Но главная проблема нашей картины в том, что Алина не была одержима дьяволом, как и не была больна психически. Она – обычный человек, с реальными мыслями и чувствами, переживший в детстве страшную жизненную драму. Об этом мы говорили с режиссером в самом начале съемок. Но многие зрители, глядя фильм, почему-то думают, что она одержима или больна.

– Поясните, что с ней произошло в жизни.

– Представьте ситуацию – вы маленькая девочка, у вас есть мама, папа и брат, и однажды, придя домой, вы видите, что ваш отец повисел. Вы видите его под потолком... После этого мать отправляет вас в приют и не хочет даже навещать, как будто вас больше не существует. А

вы знаете, что коммунистические приюты были фактически адом, там было много агрессии и непристойностей. А потом вы вдруг находите девочку примерно вашего возраста, у которой похожая травма, и вам с ней хорошо и легко общаться. Вы привязываетесь к ней до такой степени, что не можете без нее дышать. Потом вы уезжаете на заработки в другую страну, а когда возвращаетесь, видите, что ей больше не нужны. Драма: у вас нет кислорода, как вы еще можете реагировать? Вы изо всех сил боретесь за жизнь, как тот акванавт, у которого закончился запас кислорода. Вы становитесь агрессивной, потому что хотите выжить. Такой я ее и сыграла.

– Как вам понравился Минск, фестиваль «Лістапад»?

– Еще не так много видела, но за покупками уже сходил.

– Через театр вы оказались так тесно связаны с Россией, а были к этому предпосылки?

– Родилась я в Яссах, на границе с Молдовой, где ощущалось сильное русское влияние. Я и русский язык начинала учить, потому что хотела учиться в Москве, где такая известная актерская школа. Но в результате окончила актерскую студию в Трансильвании, в Клуже.

– Если бы вас сейчас пригласили в Россию – с фильмом или спектаклем, вы бы приехали?

– Конечно, политические стереотипы меня мало волнуют. Для того чтобы понять, что происходит в стране, нужно туда поехать, пожить там какое-то время, пообщаться с людьми, только тогда можно делать выводы. Кстати, подобный вопрос задавали и в Беларуси...

Беседовала Нина КАТАЕВА

Минск – Москва

ВЫСТАВКА

Хотите заглянуть в вечность?

В Полоцкой художественной галерее можно заглянуть в вечность и поверить в божий промысел.

Выставка монументальной живописи уникальна. В ней удивительно все: материал, замысел, технология, воплощение. Огромные, под три метра высотой, лики Христа, апостолов и святых смотрят со стен Спаса-Преображенской церкви, построенной в XII веке по замыслу преподобной Евфросинии Полоцкой. В качестве музейных экспонатов не картины, не иконы, а фрески храма. В XIX веке они были нанесены на стены поверх старых. Раскрывать древние фрески здесь начали еще в 1992 году, однако недостаток средств сильно тормозил процесс. Теперь реставраторы, музейные и научные работники, монахи Спаса-Евфросиниевского монастыря уверены, что задача была неслучайной. Промыслительной, сказал бы человек

верующий. Спустя десятилетие стало ясно: если бы деньги выделялись по плану, верхние слои живописи просто считили бы стружкой на пол и снесли на свалку. Теперь же росписи XIX столетия, перенесенные со стен на другую поверхность, можно увидеть в картинной галерее.

Как только выяснилось, что на стенах Спаса – так половец называют храм святой Евфросинии – от пола до самого купола хорошо сохранились древние фрески и придется отслаивать большую площадь более поздней живописи, стали думать, как сохранить изображения позапрошлого века. К поиску решений привлекли людей разных профессий. Коллективный труд, говорит директор национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника Тамара Джумантаева, дал впечатляющий результат:

– Искусствоведы, музейщики, реставраторы, программисты, дизайнеры нашли способ сохранить и представить широкой

публике культурные слои сразу нескольких веков. Это серьезный вклад не только в научную базу, но и в сердца всех, кто переживает за сохранение нашего общего наследия, хочет, чтобы мы знали свое прошлое и строили будущее, опираясь на великие примеры.

Реализовать столь масштабный проект было бы невозможно без поддержки государства, на него были выделены гранты Фонда Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства. Помимо сохранения исторического наследия, эта экспозиция станет учебным пособием для будущих поколений реставраторов. О технологии по закреплению и перенесению изображений, которую разработал реставратор высшей квалификации, главный искусствовед межобластного научно-реставрационного художественного управления Министерства культуры России Владимир Сарбабянов, снят фильм и его можно посмотреть в музее.

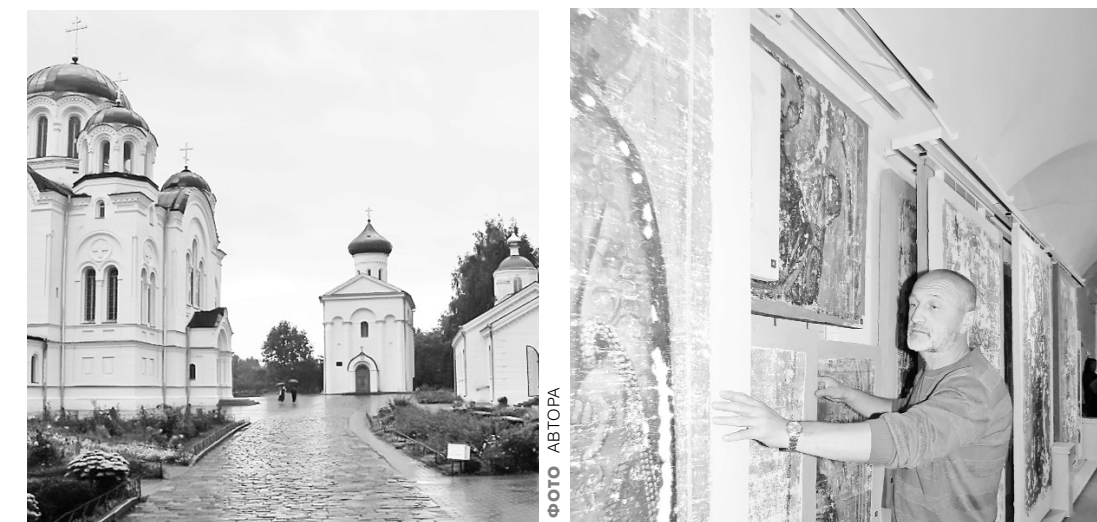
Обычному человеку даже трудно представить то, что сделали реставраторы: на площади почти в тысячу квадратных метров скальпелем они скрупулезно очистили каждый миллиметр фресковой живописи. Работать приходилось в респираторе – растворители очень вредны для здоровья. В среднем в день реставратор успевал отслоить всего от 15 до 25 квадратных дециметров. Верхний слой, пропитанный специальным составом, размачивался и скручивался «трубочкой», чтобы потом превратиться в картины размером от одного до семи квадратных метров. В таких объемах отслоением настенной живописи не занимались нигде в мире – похожую технологию применяли раньше только в иконах.

По словам руководителя группы белорусских реставраторов Юрия Малиновского, весьма необычно и то, что снятые со стен изображения уже представлены в музее: «Как правило, спальные вещи лежат в хранилищах

по 30-40 лет. А здесь колоссальные объемы настенных росписей, во-первых, были расслоены в течение шести лет, и уже их может увидеть посетитель музея. Спасибо российским коллегам за их решающий вклад в этот процесс: они отдали нам собственную технологию, научили наших реставраторов всем техническим нюансам и сами приняли участие в этой работе».

Реставрация, возможно, единственная область искусства, где авторы дарят свои секреты коллегам, потому что понимают: благодаря таким знаниям может быть что-то спасено. В свою очередь, Спаса-Преображенский храм, как признается автор методики Владимир Сарбабянов, каждый день раскрывал перед ними свои тайны.

В Спаса нестандартный подход к выбору сюжетов, например Борис и Глеб на стенах полоцкого храма написаны не канонически, а как портреты. Вся живопись, по словам специалиста, вероятно интеллектуальна, под

каждым изображением есть подпись. По фрескам, созданием которых руководила святая Евфросиния, можно понять, как она ощущала мироздание: храм строился для личной молитвы.

Нетривиальная задача стояла и перед устроителями выставки. Помещение галереи узкое, размеры фресок очень большие. Кроме того, художники, которые расписывали стены в XIX веке, повторяли сюжеты XII столетия, но делали это в соответствии с требованиями своего времени. И хотелось, чтобы зри-

тель смог увидеть двойной комплект росписи для одной и той же стены. Художник-дизайнер Игорь Куржалов не скрывает, что чувствовал, как его словно кто-то подталкивает к решению: «Мы старались сделать экспозицию воздушной, чтобы посетитель ощутил, что изображения словно висят в воздухе – все-таки это лики со стен храма, который и есть небо на земле. Удалось сохранить воздушность: панно с фрагментом росписи 1834 года можно отодвинуть и сравнить его с росписью

1885 года. Позже экспозицию дополняют и надписи, оставленные на стенах храма в разные периоды времени.

Спаса-Преображенский храм таит в себе еще одну историческую сенсацию. Оказывается, живопись была и на его фасадах – уникальное явление для того времени, когда даже стены не всегда штукатурили. Но насколько хорошо сохранилась внешняя роспись XII столетия, реставраторы пока сказать не могут.

Ольга КРУЧЕНКОВА